

Муха трижды облетела вокруг его головы и села в верхнем левом углу отчета, на полях которого он делал пометки.

Рука Мегрэ, державшая карандаш, застыла. Комиссар с любопытством принялся разглядывать муху. Эта забавная игра продолжалась уже полчаса, а муха была одной и той же. Мегрэ мог бы поклясться, что узнал ее. Впрочем, других мух в его кабинете не было.

Муха кругами летала по комнате, особенно в той части, которую заливало солнце, потом принималась кружить вокруг головы комиссара и, наконец, садилась на документы, которые он внимательно изучал. Здесь она лениво потирала лапку о лапку и, вполне возможно, поглядывала на него с презрением.

Но действительно ли она на него поглядывала? Если так, что значило для нее это массивное тело, наверняка казавшееся ей огромным?

Мегрэ старался не вспугнуть муху. Он ждал, застыв с карандашом в руке. Неожиданно муха, словно ей все надоело, взмыла ввысь и вылетела в открытое окно, растворившись в теплом воздухе.

Стояла середина июня. Время от времени в кабинет, где Мегрэ, сняв пиджак, неторопливо курил трубку, врывается свежий ветерок. Комиссар решил посвятить вторую половину дня изучению отчетов своих инспекторов и поэтому запасся терпением.

В девятый или десятый раз муха вернулась, причем она всегда садилась на одно и то же место страницы, словно между ними существовал молчаливый уговор.

Любопытное совпадение! Солнце, порывы свежего ветерка, порой врывавшиеся в раскрытое окно, эта заворожившая его муха напомнили комиссару о школьных годах, когда ползавшая по его парте муха зачастую приобретала большее значение, чем рассказ учителя.

Жозеф, старый привратник, негромко постучав в дверь, вошел в кабинет и протянул комиссару визитную карточку, на которой было написано:

*«Леон Флорантен.
антиквар»*

— Сколько ему лет?
— Примерно столько же, сколько вам...
— Он высокий и худой?
— Да, очень высокий и очень худой, к тому же седой...

Это был тот самый Флорантен, с которым они вместе учились в лицее Банвиля* в Мулене, веселый заводила класса.

— Пусть войдет...

Комиссар напрочь забыл о мухе, которая, вероятно, обиделась и вылетела в окно. Когда Флорантен вошел, они с Мегрэ испытали чувство неловкости, поскольку после окончания лицея в Мулене виделись всего один раз. Это было лет двадцать назад. На улице комиссар случайно столкнулся с элегантной парой. Женщина была типичной парижанкой, весьма милостивой.

— Хочу представить тебе своего старого лицейского приятеля. Сейчас он служит в полиции...

Потом Флорантен обратился к Мегрэ:

— Позвольте... позволь познакомиться тебя с Моникой, моей женой...

* Лицей Банвиля — первый лицей во Франции, открытый в 1804 году. Позднее он был назван в честь уроженца Мулена — Теодора-Фолена де Банвиля (1823–1891), поэта романтической школы. — *Примеч. пер.*

Тот день был тоже очень солнечным. Они не знали, как продолжить разговор.

— Ну как, у тебя все в порядке? Ты по-прежнему доволен?

— По-прежнему доволен, — ответил Мегрэ. — А ты?

— Не жалуюсь.

— Живешь в Париже?

— Да. Бульвар Осман, дом шестьдесят два. Но я много езжу по делам. Совсем недавно вернулся из Стамбула. Зашел бы к нам. С мадам Мегрэ, разумеется, если ты женат...

Им обоим было неловко. Пара направилась к спортивной светло-зеленой машине с откидным верхом, а комиссар пошел дальше.

Появившийся в его кабинете Флорантен был не таким элегантным, как тот мужчина, с которым он стоял на площади Мадлен. На нем был поношенный серый костюм, да и в манерах уже не чувствовалось былой уверенности.

— Очень любезно с вашей стороны принять меня незамедлительно... Как поживаете?.. Как поживаешь?..

Мегрэ тоже было нелегко обращаться к нему на «ты» после стольких лет.

— А ты?.. Садись... Как твоя жена?..

Какое-то мгновение светло-серые глаза Флорантена всматривались в пустоту, словно он старался что-то вспомнить.

— Ты говоришь о Монике, той рыжеволосой малышке?.. Да, некоторое время мы жили вместе, но я на ней так и не женился... Славная девушка...

— Ты не женат?

— А зачем?

И Флорантен скорчил одну из тех гримас, которые когда-то забавляли его приятелей и обескураживали учителей. Можно было подумать, что его вытянутое лицо с очень четкими чертами было гуттаперчевым — настолько легко оно растягивалось во все стороны.

Мегрэ не решался спросить, почему Флорантен к нему пришел. Он разглядывал его, с трудом веря, что прошло столько лет.

— А у тебя уютный кабинет... Я даже не знал, что у вас в криминальной полиции такая неплохая мебель...

— Ты стал антикваром?

— Если можно так выразиться... Я покупаю старую мебель и реставрирую ее в небольшой мастерской, которую снимаю на бульваре Рошешуар... Знаешь, в нынешние времена все в той или иной степени стали антикварами...

— Ты доволен?

— Я не жаловался бы, не свались сегодня мне на голову проблема, тяжелая как кирпич...

Флорантен настолько привык паясничать, что его лицо произвольно принимало смешные

выражения. Однако цвет лица от этого не становился менее серым, а из глаз не исчезало беспокойство.

— Именно поэтому я и пришел сюда. Я сказал себе, что ты, как никто другой, способен меня понять...

Флорантен вытащил из кармана пачку сигарет и закурил. Рука с длинными костлявыми пальцами немного дрожала. Мегрэ показалось, что он почувствовал запах алкоголя.

— На самом деле я здорово вляпался...

— Я тебя слушаю...

— Так-то оно так, но все дело в том, что это трудно объяснить. Вот уже четыре года, как у меня есть подружка...

— Вы вместе живете?

— И да, и нет... Нет... Не совсем... Она живет на улице Нотр-Дам-де-Лоретт, около площади Сен-Жорж...

Мегрэ не мог понять, почему Флорантен колеблется и постоянно отводит глаза — он, всегда такой уверенный в себе, такой болтливый. В лице Мегрэ даже завидовал его непринужденности. Как и тому, что отец Флорантена был лучшим кондитером в городе, а его кондитерская находилась прямо напротив собора. Отец Флорантена даже назвал своим именем ореховое пирожное, ставшее местной достопримечательностью, фирменным блюдом.

У Флорантена всегда имелись карманные деньги. Он мог безнаказанно выкидывать в классе любые шутки, словно пользовался какой-то неприкосновенностью. Иногда по вечерам он гулял с молодыми девицами.

— Рассказывай.

— Ее зовут Жозе... Ну, настоящее ее имя — Жозефина Папе, но она предпочитает, чтобы ее называли Жозе... Мне тоже так больше нравится... Ей тридцать четыре года, но по ней не скажешь...

Лицо Флорантена было таким подвижным, что казалось, будто у него нервный тик.

— Это трудно объяснить, старина...

Флорантен вставал, подходил к окну. Его длинное тело преломлялось в солнечных лучах.

— А у тебя жарко... — вздохнул он, вытирая лоб.

Муха больше не садилась на уголок лежавшей перед комиссаром бумаги. В окно врвался шум машин и автобусов, ехавших по мосту Сен-Мишель, порой слышалась сирена буксира, опускавшего свою трубу перед пролетом моста.

Часы в корпусе из черного мрамора, точно такие же, как во всех кабинетах криминальной полиции, да и в сотнях других официальных кабинетов, показывали двадцать минут шестого.

— Я не единственный... — наконец выговорил Флорантен.

— В каком смысле не единственный?

— Не единственный друг Жозе... Это трудно объяснить... Она лучшая девушка на всем белом свете... Я был одновременно ее любовником, другом и наперсником...

Мегрэ вновь раскурил трубку, стараясь сохранять спокойствие. Его старый приятель снова сел напротив.

— И много у нее других друзей? — наконец спросил комиссар, прервав затянувшееся молчание.

— Подожди, сейчас сосчитаю... Паре... Раз... Потом Курсель... Два... Потом Виктор... Три... И еще один юнец, которого я не знаю и зову рыжим... Четыре...

— Четыре любовника, которые регулярно ее навещают?

— Один — раз в неделю, другие — дважды...

— Они знают, что их несколько?

— Разумеется, нет...

— Таким образом, каждый пребывает в заблуждении, что он один ее содержит?

Эти слова смутили Флорантена, и он принялся разминать пальцами сигарету, так что табак посыпался на ковер.

— Я предупреждал тебя, что это трудно понять...

— А какова твоя роль во всей этой истории?

— Я ее друг... Я прихожу, когда она одна...

— Ты ночуешь на улице Нотр-Дам-де-Лоретт?

— Кроме ночи с четверга на пятницу...

Без видимой иронии Мегрэ спросил:

— Потому что место занято?

— Да, Курселем... Они знакомы десять лет...

Он живет в Руане, а на бульваре Вольтера у него контора... Это долго объяснять... Ты меня презираешь?

— Я никогда никого не презирал...

— Я понимаю, что мое положение может показаться щекотливым, что большинство людей сурово осудили бы меня... Но клянусь тебе, что мы с Жозе любим друг друга...

Неожиданно он добавил:

— Вернее, мы любили друг друга...

Поправка поразила комиссара, и его лицо стало бесстрастным.

— Вы разошлись?

— Нет.

— Она умерла?

— Да.

— Когда?

— Сегодня, во второй половине дня...

И Флорантен, трагически взглянув на Мегрэ, театрально произнес:

— Клянусь тебе, это не я... Ты же меня знаешь... И потому, что ты знаешь меня, а я знаю тебя, я пришел к тебе...

Они действительно знали друг друга, когда им было двенадцать, пятнадцать, семнадцать лет, но с тех пор каждый пошел своим путем.

— От чего она умерла?

— В нее стреляли.

— Кто?

— Не знаю.

— Где это произошло?

— У нее... В спальне...

— Где ты был в этот момент?

Обращаться на «ты» становилось все труднее.

— В стенном шкафу...

— Ты хочешь сказать, в квартире?

— Да... Так уже не раз случалось... Когда кто-нибудь звонил в дверь, я... Я тебе противен?.. Клянись, это вовсе не то, о чем ты думаешь... Я зарабатываю на жизнь... Я работаю...

— Попытайся точно описать, как все было.

— С какого момента?

— Скажем, с полудня...

— Мы вместе пообедали... Она прекрасно готовит... Мы сидели возле окна... Как всегда по средам, она ждала кое-кого к половине шестого или к шести...

— Кого именно?

— Его зовут Франсуа Паре. Это мужчина лет пятидесяти, начальник отдела министерства общественных работ... Он возглавляет отдел суходоходства... Живет в Версале...

— Он никогда не приходил раньше времени?

— Нет...

— Что произошло после обеда?

— Мы разговаривали...

— Как она была одета?

— В халате... Дома она всегда носит халат, а переодевается только тогда, когда куда-нибудь идет... Около половины четвертого в дверь позвонили, и я спрятался в стенном шкафу... Он открывался не в спальню, а в ванную комнату...

Мегрэ начал терять терпение.

— Что было потом?

— Примерно через четверть часа я услышал звук, похожий на выстрел...

— Значит, без пятнадцати четыре?..

— Думаю, да...

— Ты тут же выбежал?

— Нет... Я не должен был там находиться...

Кроме того, звук, который я принял за выстрел, мог быть просто автомобильным или автобусным выхлопом.

Теперь Мегрэ пристально наблюдал за своим собеседником. Он вспоминал истории, которые Флорантен рассказывал ему много лет назад. Все они в той или иной степени были выдуманными. Порой казалось, что он сам не делает различий между правдой и ложью.

— Чего вы ждали?

— Ты уже обращаешься ко мне на «вы»?.. Понимаешь...

Флорантен казался огорченным, разочарованным...

— Ладно! Чего ты ждал, сидя в шкафу?

— Это не просто стенной шкаф, а довольно просторная гардеробная... Я ждал, когда этот мужчина уйдет...

— Как ты можешь знать, что это был мужчина, если ты его не видел?

Флорантен изумленно взглянул на Мегрэ.

— Я не подумал об этом...

— У Жозе были подружки?

— Нет...

— Родные?

— Она родом из Конкарно, но я никогда не встречался с ее родственниками...

— Как ты понял, что человек ушел?

— Я слышал шаги в гостиной, потом дверь открылась и закрылась...

— В котором часу?

— Около четырех...

— Значит, убийца оставался наедине с жертвой в течение четверти часа?

— Надо полагать...

— Где находилась твоя любовница, когда ты вошел в спальню?

— Она лежала на полу, возле кровати...

- Как она была одета?
 - Она была все в том же желтом халате...
 - Куда ей выстрелили?
 - В шею...
 - Ты уверен, что она умерла?
 - В этом нетрудно было убедиться...
 - В комнате царил беспорядок?
 - Я ничего не заметил...
 - Открытые ящики, разбросанные бумаги?
 - Нет... Не думаю...
 - Ты не уверен?
 - Я был так потрясен...
 - Ты позвонил врачу?
 - Нет... Она же умерла...
 - А в комиссариат квартала?
 - Тоже нет...
 - Ты пришел ко мне в пять минут шестого.
- Что ты делал после четырех часов?
- Сначала я, совершенно обезумев, рухнул в кресло... Я ничего не понимал... Да и до сих пор ничего не понимаю... Потом я сказал себе, что во всем обвинят меня, тем более что гадюка консьержка меня ненавидит.
 - Ты просидел в кресле целый час?
 - Нет... Я не знаю, сколько времени провел в квартире... Потом я вышел и направился в бистро «Гран-Сен-Жорж», где залпом выпил три рюмки коньяка...